

23/2005

Раевский Владимир

20
№236
(1874)
23
декабря
2005

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

НОВЫЕ ИЗВЕСТИЯ

Поэт в России – больше, чем поэт

Из антологии Евгения Евтушенко «Десять веков русской поэзии»

Додекабристский декабрист

Владимир РАЕВСКИЙ

1795, село Хворостянка Курской губернии –
1872, деревня Малышевка Иркутской губернии

Так ложною мечтой доселе ослепленный,
Напрасно мыслил я о счастливых часах.
Тебе ль знать радости? Твой разум заблужденный
Не мог предузнавать о будущих бедах,
Давно назначенных губительной судьбою;
Лишь смерть желанная спасительной рукою
Тебя освободит от горестей твоих!
Тебе ль переломить судьбы определенье
И силой Сильного избежать назначенье?
Исчезнули мечты, я счастлив был лишь миг,
И счастлив только заблуждением,
Которое, как вихрь, исчезло мановеньем.
Ни ласки нежные, ни кротость, ни любовь,
Ни одинакая текущая в нас кровь –
Ничто не умягчит дух злобный и враждебный!
А я, не опытом, безумный, увлеченный,
Предвидеть будущих несчастий не возмог.
Кто ж этому виной? Я сам иль сильный Бог.

1810-е годы

Раевский, носивший на руке железное кольцо заговорщика еще в 1816 году в гарнизоне Каменца-Подольского и брошенный в 1822 году в одиночную камеру Тираспольской крепости, стал первым додекабристским декабристом.

Находясь в осклизлых зарешеченных стенах, ровно 180 лет назад он был всем своим воображением и надеждами на Сенатской площади. Конечно, среди его бывших друзей оказались и те, о ком он с горечью написал:

Когда гром грянул над тобою –
Где были братья и друзья?
Раздался ль внятно за тебя
Их голос смелый под грозою?
Нет, их раскрашенные лица
И в счастье гордое чело
При слове казни и темницы
Могильной тенью повело...

Но не все были такими. Пестель признался на допросе: «Ежели бы действительно мы нашли в готовности и в необходимости начать возмутительные действия, то я полагал нужным освободить из-под ареста майора Раевского...» В случае если бы Раевский оказался на Сенатской, то после поражения его можно было бы представить в роли не сдавшегося Лунина, но вряд ли в роли тех, кто оказался нетверд духом.

В 1826 году на суде Раевский воскликнул: «Если патриотизм преступление – я преступник!» Но и радищевский, и чаадаевский «патриотизм с открытыми глазами» был всегда подавляем в России патриотизмом «с закрытыми глазами» или с глазами, верноподданно выпученными. И на суде над декабристами при Николае I, и на судах над советскими диссидентами при Брежневе.

Сын курского помещика, выпускник кадетского корпуса, награжденный золотой шпагой с выгравированной надписью «За храбрость» после того, как доказал ее в Бородинской битве, Раевский провел 6 лет в тюрьме, был лишен чинов и дворянства и отбыл почти 30 лет в сибирской ссылке, женившись на тамошней крестьянке Евдокии Середкиной. Он не сломался, открыл в деревне школу, где учил грамоте детей, и стал единственным из декабристов успешным хлебопашцем, мельником, лошадиником и даже Мичуриным того времени, вырастив в парниках особую породу сибирских арбузов, и с удовольствием похрустывал алыми солеными ломтиками под собственный самогон. Но означало ли это, что после кутузовского полководческого шатра, продуваемого пороховым ветром, он спрятался под подмотканым подолом своей сибирячки, уютно пахнущей тестом, сеном и молоком? Он ее любил, но страдал ей за ее любовь к нему:

Беспечная, зачем ты встретила со мной?
Зачем ты странника узнала?
Вся жизнь его загадка для тебя,
Ты с тайн его не снимешь покрывала.
Не встретишь с ним ты радостного дня!

Не тот у него был характер, чтобы его страдание ограничивалось лишь стенами личной жизни. Именно он, даже с аржаной мукой в бороде, писал своему старинному другу Г.С. Батенькову в шестидесятых годах: «Государство, где существуют привилегированные и исключительные касты и личности выше законов, где частицы власти суть сила и произвол без контроля и ответственности, где законы практикуются только над сословием или стадом людей, доведенных до скотоподобия, там не гомеопатические средства необходимы... Прежде всего следует крепостному рабу возратить человеческие права...» Вот оно, досахаровское русское правозащитничество! И разве по сегодня не звучат так же актуально некрасовские строки: «Знаю, на место сетей крепостных Люди придумали много иных»? А ведь задолго до них были и стихи Раевского:
Когда ты был младенцем в колыбели
И голосом невинным лепетал,
Кто жизни план младенцу начертал,
Назначил кто твой путь к опасной цели?
В объятиях кормилицы своей
Ты напрягал бессильные ручонки
И с криком разрывал,
как цепь, свивальник тонкий!

Кто первый смысл родил
в златой душе твоей
О вольности и тяжести цепей?

Трагические строки Владимира Соколова: «И не надо мне прав человека, Я давно уже не человек» сегодняшние внушители постыдного незамечательства народных страданий почему-то сделали самооправданием гражданской импотенции как особого вида достоинства.

Свобода от собственной совести – рабство. Снобизм – это лень сострадать. Искусство для искусства – трусость души. Но чем лучше пчелиное трудолюбие, глухое во всему, за исключением жужжания собственного роя? Раевский предостерег и самого себя, и всех других:
Не доверяй усердию рабов:
Предательство – потребность рабской доли...

Он предупреждал, как опасна заманчивая близость к власти:
...Опасны милости и дружество царей –
Кто ближе к скипетру,
тот ближе к ниспаденью!

Раевский не только создавал в стихах правила гражданского поведения, но и не нарушал их, что случается далеко не со всеми.

К Раевскому не чурался прислушиваться и Пушкин, с которым вместе они даже сочинили сатирическую песенку о Мальбруке, ходившую в списках в южнодекабристских кругах. Вот что пишет в мемуарах друг Раевского И.П. Липранди: «...шла иногда очень шумная беседа, спор, и всегда о чем-либо дельном, в особенности у Пушкина с Раевским, и этот последний, по моему мнению, очень много способствовал к подстреканию Пушкина заняться положительнее историей и в особенности географией. Я тем более убеждаюсь в этом, что Пушкин неоднократно после таких споров, на другой или на третий день, брал у меня книги, касающиеся до предмета, о котором шла речь».

Каждый великий поэт – это результат чье-то соавторства.

Раевский был одним из соавторов не просто какой-то песенки, но и всей жизни Пушкина. То, что он «подстрекал» Пушкина именно к истории и географии, а не к приятию им идеи необходимости пролития крови, звучит как нравственное алиби.

Но таким людям, как Раевский, свойственно принимать на себя вину других. Кто знает, в чем он исповедался священнику своего родного села в Курской губернии, которое впервые посетил после тюрьмы и ссылки, перед тем как снова вернуться в приютившую его Сибирь, и уже навсегда?

Кольцо Раевского

Гордо нелюбезное лицо.
На руке железное кольцо.

Символ вольнодумского кружка
палец сжал, и вся рука тяжка.

И себя не чувствуешь юнцом,
став железным заодно с кольцом.

Был Раевский на допросах чист.
Не предатель был додекабрист.

Был вчера Володенька – кадет,
но на палец мрачный знак надет,
ибо всем, решившимся убить,
вечно закольцованными быть.

Этого он с ними не решал.
Может, Пушкин чем-то помешал?

И Раевский, сосланный в сельцо,
выбросил в сибирский мох кольцо.

Он, венчаясь, в сторону глядел,
и кольцо другое поп надел,

но опять от снятого мозоль
причиняла внутреннюю боль.

А однажды с Дусей, на беду,
он пошел в тайгу по ягоду,
а жена и тут, среди травы,
с барином былым была на «вы».

Крикнула жена ему: «Вы чо?»
Деревянным гребнем он вычесывал
от брусники алый мох
и остолбенел, как будто плох.

В его руку ржаво, тяжело
То кольцо железное легло,
будто в каплях крови, в ягодах,
а вот в чьей – узнать в других годах...

Вздрыгнул он – вдруг у того кольца,
есть начало, только нет конца?

И, швырнув кольцо на дно реки,
понял, что не снять его с руки...

Евгений ЕВТУШЕНКО